

Княгиня когда Ярославна
 Рыдала по нём, не по мне,
 Я пал вместе с ним, но прославил
 Женщину, на стене
 Рыдавшую, мир отринув,
 Руки свои заломив.
 Она была Берегиней,
 А что для неё был мир?
 А позже, когда уж мало
 Останется дней, пойму:
 Родина есть и мама,
 И я не уйду во тьму.
 А женщина, что богиней
 Меня в свой дом привела?
 Весталкою, Берегиней
 Недолго, да побыла.
 Что бы там ни было – ладно!
 Пока есть родная речь,
 Я с этой бедою слажу –
 Было б кому беречь.
 Я не из тех, кто бранили,
 Смешав и хулу, и лесть.
 Россия,
 моя Берегиня,
 Спасибо за то, что ты есть!

Двух разгневанных рек слиянье –
 Лютой ненависти и любви.
 Где татары и где славяне?
 Свою мать и отца назови.
 И припомни века такие,
 Когда, срезав верёвкой стон,
 Анастасью и Евдокию
 Забирали с собой в полон.
 Вот и вдумайся, чьи доселе
 Были острые скулы твои
 И на чём проросло твоё семя –
 На крови или на любви?
 Да, в том времени, как постромки,
 Всё сцепилось и всё слилось.
 Да, мы – русичи, мы – потомки
 Конских ржаний,
 пожаров
 и слёз.
 Но потомки Андрея Рублёва,
 Не распятых вовек русаков –
 Для того чтобы снова и снова
 Рвать сердца из постылых оков.
 Да, действительно, рек слиянье,
 Да, Настасья с искусанным ртом.
 Я за вас, родные славяне,
 Встану с правдой и со щитом.

ХОДИКИ

Памяти бабушки моей
Федосьи Фёдоровны

Говорила: «Ну что вы всё ходите
Мимо окон, проезжий чудак?»
А в простенке перечили ходики:
«Может, он? Может, твой? Может, так?»

А потом они так отмеряли,
Феодосья, свиданья твои,
Что и сами собой замирали
В ночи, полные бабьей любви.

Как же время жестоко бежало
Под размеренную тишину!
Ты готовила, шила, рожала,
Провожала его на войну.

В ожиданье грядущей печали
Заржавел голубой циферблат.
В сорок пятом всё лето стояли –
Это он не вернулся назад.

И казалось, истошному крику
Всю себя до конца отдала.
Но потом ты подправила гирьку,
Стрелки правильно подвела.

Поднимала себя и сына,
И на внуков хватило сил,
У которых теперь над камином
Электрические часы.

Нет тебя. Только крест над холмиком
На погосте, среди тополей.
Но не крест – я поставил бы ходики,
Словно памятник жизни твоей.

ВАСЁНА

И тревожным был год, и весёлым,
Жутким, как удар палаша.
А казачка бой-баба Васёна
Так чертовски была хороша!

Были сладки свиданья за банькой,
Да в оглядку за десять дворов,
Потому как милёночек в банде,
Чуть светает – и будь здоров.

Эту банду в расход и запишут.
А она не уронит слезу,
Чуть живого милёночка Гришу
Будет прятать от ЧОНА в лесу.

А потом закопает украдкой,
Где ни ворон, ни чёрт не сидит,
Снова в хутор вернётся с оглядкой
И дитя в той же баньке родит.

ИЗ ЦИКЛА «ДЕТСТВО ДАШИ»

На улице Красной погода красна,
Рябины алеют и дочка смеётся.
Все реже и реже уже удаётся
Испить свою радость до самого дна.

Затем, что вокруг неуютное время
И хочешь не хочешь, но сходишь с ума.
И ночью становишься следом за теми,
Кому суждена и тюрьма, и сума.

Но хочется верить, что жизнь не напрасна,
Она, как и прежде, горька и права,
Пока в этом мире на улице Красной
Рябины алеют и дочка жива.

СУДЬБА

Потом это станет судьбой:
Прощанье с отчизною милой,
Ослепшее небо над миром,
Как мамин платок голубой.
И поезд на запад от Бреста,
Сначала вокзалы, потом,
Оставшись на стройках и фресках,
Вся Русь пропадёт за холмом.
И юность начнётся сначала,
Вернее, продолжится вновь,
Но с необъяснимой печалью
Повенчана станет любовь
К вечерним готическим шпилям,
К домам, как к древнейшим томам,
В которых изысканным штилем
Смущали всеведущих дам
И Гёте, сдружившийся с чёртом,
И Лютер, швырнувший в него
Чернильницу с явным расчётом
Себя запродать самого,
Но главное – утренний Лейпциг,
Как праздник душе и уму,
Когда ты, свободный от лекций,
Спешишь на свиданье к нему,
Точнее, в бессонную кирху,
Где пробует Мастер орган,
Который рыданий и криков
Пока ещё не исторгал.
Ты знаешь: здесь рядом в неволе
Спит Мастер. О нет, он не спит!

Как будто на минное поле,
Ступая на чопорность плит,
Тыходишь с волнением и страхом,
Оставив чуть-чуть в стороне
Могилу безумного Баха,
Не дремлющего в глубине.
Ты знаешь: вот чудо начнётся,
И двери сорвутся с петель,
И сердце твоё разобьётся
В предчувствии страшных потерь,
Когда это время растает,
Едва прозвенев над тобой,
Когда эта музыка станет
Провиденьем, жизнью, судьбой.

* * *

Вновь протяжное имя: «Га-ли-на...» –
Мне доносится с этой земли,
Словно клином над русской долиной
Пролетают твои журавли.

Это ты, моя Галенька, Галя,
Над седою моей головой!
Из такой немислимой дали
Слышу голос обиженный твой.

Если б знала, как переселенцем,
Без надежды уже на возврат,
Останавливается сердце,
Провожая любовь на закат...

СИРЕНЬ

«Живи как хочешь...» – женщина сказала.
Он вышел в город.
Бесновался май.
Сирень, впадая в обморок, свисала,
Устав просить прохожих: «Не ломай!»
Он не ломал. Весенних и цветущих
Второй раз нестерпимо обломать.
В раю земном, в недолговечных кущах
Пусть и другим придётся обнимать.
Возможно, так он именно и думал,
А впрочем, вряд ли думал он тогда.
Среди людей и уличного шума
Он уходил неведомо куда.
Потом был парк, толпа, аттракционы.
Терялась жизнь.
И он вина купил.
Но, на людей взирая отрешённо,
Он очень долго то вино не пил.
Быть может, горевал, соизмеряя
Пустую жизнь с весёлостью вокруг,
Декабрь в груди с весёлостью мая
И вкус вина с недавней мятой рук.
А может, он писал стихотворенья
О горестной свободе и о том,
Как веткою надломленной сирени
Та женщина осталась за окном.

